

UDC 94:378(571)"18/19"

Institutionalization of the Historic Knowledge within Asian Russia in Pre-Soviet Period

¹ Dmitry V. Khaminov

² Sergei A. Nekrylov

³ Sergey F. Fominykh

¹ National Research Tomsk State University, Russian Federation

Ph.D. in History, doctoral candidate of TSU.

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: khaminov@mail.ru

² National Research Tomsk State University, Russian Federation

Dr. (History), Professor

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: san_hist@sibmail.com

³ National Research Tomsk State University, Russian Federation

Dr. (History), Professor

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: fsf@mail2000.ru

Abstract. The paper considers the process of the development of scientific and educational facilities in the context of historic knowledge institutionalization in Asian Russia of pre-Soviet period for the first time in the domestic historiography. The article attempts to give integrated assessment and detect the ratio of the state and public initiative in the processes of historic knowledge institutionalization within the framework of the historic education and science development, determine their role and place in this sphere.

Keywords: historic research; historic education; local history; scientific society; university; institute; Siberia; Far East; Central Asia.

Введение. В последнее время исследователи все больше внимания уделяют разработке одного из актуальных направлений научного знания – истории высшего образования и науки, – как в целом в стране, так и в отдельных ее регионах. В рамках этого направления разрабатываются вопросы, связанные со становлением и развитием отраслей научного знания и их влияния на основные сферы жизни государства и общества.

Система исторического знания (высшее историческое образование и наука), в контексте заявленной проблемы, является одним из самых ярких проявлений данного феномена. Оно выступает специфической областью общественных отношений и государственной политики, благодаря которой осуществляется преемственность поколений, формируется сознание личности, ее гражданская и политическая идентичность, мировоззренческие установки, нравственные ценности и чувство патриотизма. Историческое знание в различных его проявлениях и во все времена было одним из главных мировоззренческих и культурных ретрансляторов в российском обществе, которое обеспечивало связь времен и преемственность поколений во всех «бифуркационных точках» развития российского общества (прежде всего, после революционных событий и социальных потрясений 1917 и 1991 гг.).

Сегодня, когда система высшего образования и науки России перестала быть единообразной, унифицированной, и становится все более многомерным, многоукладным комплексом разнообразных систем, в число новых разрабатываемых направлений входит изучение регионализации научно-образовательного пространства. В связи с этим актуальным становится изучение опыта институционализации исторического знания в рамках макро-региональных научно-образовательных комплексов на разных этапах их развития и выявления их роли и влияния на последующие периоды и современность. К числу особых макро-регионов России относятся Сибирь и Дальний Восток, объединенных общим определением «Азиатской России» (они отличаются специфическими научно-образовательными комплексами и уникальным социально-политическим, экономическим и культурным характером развития). В ретроспективном контексте термин «Азиатская Россия», применительно к досоветскому периоду истории страны (как классического периода развития высшего исторического образования и исторических исследований), рассматривается в более широком его толковании, чем сегодня, и включает в себя территорию Сибири, Дальнего Востока и части современной Средней Азии.

В современной отечественной историографии отсутствуют комплексные работы, посвященные теме институционализации, то есть становления и развития исторического знания в российских макро-регионах в досоветский период. Существуют лишь работы по общей проблеме, связанной с историей исторического образования и науки в дореволюционной России [1]. Обозначенная в

настоящем исследовании проблема, в качестве составного сюжета, прослеживается в работах, посвященных истории научно-образовательных учреждений или отдельных отраслей научного знания Сибири и Дальнего Востока [2]. Но до сих пор в отечественной историографии так и не была актуализирована проблема изучения становления и развития исторического знания на территории Азиатской России в досоветский период в контексте его влияния на основные сферы жизни общества и государства, в его социо-культурном и политическом аспектах. Также остается без должного освещения вопрос о соотношении влияния и роли государства и общественной инициативы на институционализацию исторического знания.

Материалы и методы. В ходе исследовательской работы были использованы правительственные документы и иные нормативно-правовые акты общероссийского (законы и подзаконные акты) и регионального уровня, регламентировавшие направления развития высшего образования и организации научной деятельности в России и в азиатской ее части. Авторами были исследованы локальные и делопроизводственные документы научных и образовательных учреждений, которые впервые вводятся в научный оборот.

Методологической основой исследования для всестороннего изучения его предмета выступает синтез традиционных подходов – формационного и цивилизационного. Принципиальной методологической новизной работы является синтез трех исследовательских стратегий: теории модернизации, концепции «центр-периферийных отношений» и концепции «внутренней колонизации» Азиатской России.

Обсуждение. Зачатки первых институций, формировавших историческое знание в Азиатской части Российской империи появляются в перв. пол. XIX в. по инициативе сибирской просвещенной общественности – интеллигенции, служащих военных ведомств, чиновников, разночинцев, православного духовенства и просто людей интересовавшихся локальной историей и краеведением (не малую часть среди них составляли ссыльные – декабристы, участники польских восстаний и др.). При учебных заведениях, музеях (губернских, краеведческих, епархиальных и проч.), государственных учреждениях, религиозных общинах и культурно-просветительских организациях создавались кружки и научно-культурные общества любителей старины и краеведов. Однако исследования этих институций носили локальный и не систематический характер. Они ограничивались зачастую лишь воспроизведением полученных знаний внутри данных структур и на страницах местной печати в виде заметок и статей [3]. В них отсутствовала систематическая связь исследователей и краеведов с центральными обществами и научно-исследовательскими и образовательными учреждениями. Это обуславливало локальный, провинциальный характер исследований.

Азиатская Россия нуждалась в едином, мощном центре (или нескольких центрах), который смог бы организовать исследовательские силы, скоординировать деятельность местных исследователей и вывести их на принципиально новый научный уровень. Во второй половине XIX в. такими комплексными исследовательскими центрами, в которых происходила институционализация и развитие исторического знания (истории, археологии, этнографии, антропологии), стали сибирские отделы Императорского русского географического общества (ИРГО), а также Императорский Томский университет (ИТУ). Все они имели связь со столичными городами и центрами европейской науки, с ведущими исследователями и представителями научного сообщества, финансовую и организационную поддержку центральных и региональных властей, что выгодно отличало их исследовательский уровень от стихийных научно-культурных и просветительских обществ Азиатской России.

В перв. пол. XIX в. в зарубежной и отечественной научной парадигме наметилась тенденция, согласно которой география стала выходить за рамки традиционного узкого понимания своего предмета исследования. Она теперь становилась комплексной дисциплиной и определялась как «наука о земле, о ее движении <...> и о населяющей ее органической жизни» [4]. Поэтому учредители ИРГО отмечали, что «...без сомнения, венцом для полного **ведения** нашей планеты остается все-таки ее властитель – человек» [5. С. XX]. В итоге, одной из главных своих задач, организаторы ИРГО видели в изучении человека с точки зрения его исторического развития.

6 (18) августа 1845 г. по повелению Николая I [6] было образовано Русское географическое общество и утвержден его временный устав (временный устав вводился на 4 года, постоянный был утвержден 28 декабря (9 января 1850 г. по н.ст.) 1849 г. [7]). В § 1 устава этнографическая составляющая цели общества ставилась на второе место: «Цель общества есть собрание и распространение в России географических, этнографических и статистических сведений вообще, и в особенности о России, равно как распространение достоверных сведений о нашем отечестве в других землях» [6. С. 586].

В 1850 г. у членов общества возникла мысль об учреждении в разных частях России отделов ИРГО. В 1851 г. открываются два первых региональных отдела – 10(22) марта учреждается Кавказский отдел (в Тифлисе) [8], а 6(18) июня 1851 г. в Иркутске был открыт Сибирский отдел. Инициатива учреждения Сибирского отдела принадлежала вице-председателю общества М.Н. Муравьеву (брату ген.-губ. Восточной Сибири Н.Н. Муравьева). Николай I подписал указ о создании Сибирского отдела ИРГО (СОИРГО) с назначением отделу ежегодной субсидии в 2.000 рублей [9] (такая сумма была впоследствии

назначается для каждого вновь учреждаемого азиатского отдела ИРГО). В Положении говорилось, что СОИРГО, «под ближайшим руководством генерал-губернатора Восточной Сибири занимается преимущественно изучением вообще Сибири во всех тех отношениях, которые составляют предмет занятий Общества, а именно: в отношениях собственно, географическом, этнографическом и статистическом» [9. С. 387].

Несмотря на то, что отдел должен был охватывать ареал всей Сибири (в т.ч. Дальний Восток и Среднюю Азию), он все же по географическому положению, и в силу иных обстоятельств, был ориентирован больше на территорию Восточной Сибири. Это объяснялось и интересами самого генерал-губернатора, и обширностью территории, и ограниченностью средств, и т.п. Все эти обстоятельства стали причиной разделения СОИРГО и создания в 1877 г. Западно-Сибирского отдела, а впоследствии и других отделов. С учреждением в 1877 г. в Омске Западно-Сибирского отдела ИРГО (ЗСОИРГО), СОИРГО был переименован в Восточно-Сибирский отдел ИРГО (ВСОИРГО). В 1901 г. был организован Красноярский подотдел ВСОИРГО.

Генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков (сам бывший профессор Военной академии, сыгравший существенную роль в деле развития в Западной Сибири образования, в т.ч. высшего) в марте 1876 г. выступил с инициативой и ходатайством перед ИРГО об открытии в Омске собственного отдела, которое позже было получено. 10(22) мая **1877 г. последовало одобрение императором Александра II мнения Госсовета о его открытии [10]**. Предшественником ЗСОИРГО было Общество исследователей Западной Сибири (1868 г.), уставной целью которого был сбор, обработка и распространение географических, статистических, этнографических, исторических и естественно-исторических сведений о Западной Сибири. В числе его учредителей были преподаватели Омского кадетского корпуса. Оно не оставило после себя существенных результатов деятельности и печатных трудов. С образованием ЗСОИРГО, оно полностью вошло в состав последнего.

В 1902 г. в Барнауле был открыт Алтайский подотдел ЗСОИРГО посредством организационной перестройки существовавшего здесь с 1891 г. Общества любителей исследования Алтая. В том же году был основан Семипалатинский подотдел ЗСОИРГО, который стал приемником Семипалатинского областного статистического комитета и кружка краеведов.

В конце 90-х гг. XIX в. в Азиатской России открылись еще два новых отдела ИРГО. Ходатайство Приамурского ген.-губ. С.М. Духовского об учреждении в Хабаровске Приамурского отдела было обращено на имя вице-председателя ИРГО в 1893 г. 2(14) мая 1894 г. было получено одобрение императора Александра III об открытии Приамурского отдела. Общество изучения Амурского края, существовавшее во Владивостоке (первая научная организация на Дальнем Востоке, учрежденная в 1884 г.) преобразовывалось в его филиальное отделение [11]. Приамурский отдел со временем открыл свои отделения в Чите и Троицкосавске. В качестве филиальных были учреждены Троицкосавско-Кяхтинское и Южно-Уссурийское отделения. В 1913 г. было открыто самостоятельное Якутское отделение (отдел) ИРГО.

В 1895 г. Туркестанский ген.-губ. барон А.Б. Вревский выступил с ходатайством об открытии отдела ИРГО в Ташкенте. Совет ИРГО обратился к председателю, прося его разрешить учреждение отдела и «принять на себя необходимый по этому делу сношения, на что Великий Князь Николай Михайлович согласился» [12. С. 1006]. Отдел был открыт в 1896 г.

Таким образом, с образованием в 1882 г. Степного ген.-губ. и с отделением в 1884 г. Приамурского ген.-губ. от Восточной Сибири, вся Азиатская Россия была разделена на четыре обширных и четко географически очерченных территории, которые имели свои собственные отделы ИРГО с разветвленной филиальной сетью. Именно они и стали центрами по координации исследовательской работы по самому широкому кругу знаний, в том числе и исторического. Отделы ИРГО стали форпостами Российской империи по изучению природы, природных ресурсов, истории и населения Азиатской части страны и смежных с ней территорий. Их деятельность способствовала и обеспечению геополитических интересов российского правительства в малоизученных, недавно присоединенных или только присоединяемых территориях. Изучение автохтонных народов, их происхождения, истории, уклада, культуры и др. аспектов давало правительству и региональным властям понимание ситуации на местах и позволяло находить решения сложившихся или потенциальных конфликтов на данных территориях. Не случайно, что первые отделы были учреждены именно в Иркутске и Омске – двух центрах крупнейших российских генерал-губернаторств, которые занимали приграничное положение и имели важное геополитическое и военное значение для России, а затем в Приамурье и Туркестанском крае – территориях близко прилегающих к странам Центральной Азии и Дальнего Востока.

Российская общественность на рубеже XIX-XX вв. была озабочена вопросами сохранения ценных исторических материалов. Одной из форм решения сложившейся проблемы было создание добровольных исторических обществ на местах (в губернских городах), которые позже получили название губернских ученых архивных комиссий. В Азиатской России первая комиссия появилась в Иркутской губернии в 1911 г. Вслед за Иркутской, в конце 1912 г. была образована Областная Якутская комиссия. В 1915 г. были учреждены архивные ученые комиссии в Тобольске и Томске [13].

Наличие колоссального накопленного за многие десятилетия теоретического и эмпирического материала в области исторического знания, требовало дальнейшего развития исторических институций в форме специализированных государственных учебных и научных учреждений, которые, с одной стороны, могли бы стать центрами по организации и координации научных

исследований на территории Азиатской России, с другой стороны, стали бы центрами, готовившими профессиональных историков. Такими учреждениями вскоре стали Томский и Иркутский университеты, Восточный институт (Владивосток) и Институт исследования Сибири (Томск).

После многолетней борьбы сибирской общественности за открытие первого университета в Азиатской России, 16(28) мая 1878 г. император Александр II своим указом разрешил его открытие в Томске [14]. 25 мая (5 июня) 1888 г. последовало высочайшее повеление императора Александра III, согласно которому с 1888/89 уч. г. Императорский Томский университет начинал свою работу в составе одного медицинского факультета [15], по причине наибольшей нужды Сибири именно в этих специалистах.

В Томском университете, еще до появления историко-филологического факультета, стали проводиться исторические исследования, чему способствовал ряд факторов. Прежде всего, это наличие значительных книжных и архивных фондов в университетской библиотеке, собранные богатейшие исторические коллекции в Археологическом музее, а также возможность для профессоров и преподавателей ежегодно пользоваться научными командировками, в том числе за рубеж. Обращение в те годы медиков и юристов к разработке исторической проблематики может быть объяснено следующими обстоятельствами. Во-первых, междисциплинарным характером предметов, преподавание которых предполагало владение не только специальными, но и историческими познаниями. К числу таких дисциплин относятся антропология, энциклопедия права, политэкономия, история русского и зарубежного государства и права и др. Во-вторых, дореволюционный период был временем многочисленных социально-экономических и политических кризисов не только в Российской империи, но и во всем мире, что актуализировало обществоведческую, в том числе и историческую проблематику. В-третьих, это объяснялось и естественным интересом ученых к прошлому страны, тем более, что в то время остро ощущалась необходимость во всестороннем изучении Азиатской России.

В 1889 г. при ИТУ было образовано Общество естествоиспытателей и врачей. Его работа не сводилась только к вопросам, связанным с медицинскими или естественно-научными вопросами. Устав общества ставил перед ним задачу изучения Сибири и прилегающих к ней стран и территорий «в естественно-историческом и медицинском отношениях, изучение населяющих Сибирь племен, преимущественно инородцев, в антропологическом отношении, а также антропологическое изучение по археологическим памятникам живших здесь доисторических племен» [16]. В 1899 г., с открытием юридического факультета, было организовано Юридическое общество. На его заседания выносились доклады не только по узкоспециальной юридической тематике, но и по историко-правовым вопросам.

В 1907-1909 гг. неудачей обернулась попытка томской общественности организовать Высшие частные историко-философские курсы [17].

Вопрос об открытии недостающего историко-филологического факультета в Томском университете обсуждался и на заседаниях Государственной думы III и IV созывов [18]. При каждом удобном случае его инициировали депутаты-сибиряки (прежде всего, В.Н. Пепеляев), ратовавшие за развитие высшего образования и науки в Сибири, но «пожелания эти обычно предавались забвению со стороны Министерства народного просвещения» [19. С. 78].

В результате многолетних усилий сибирской общественности и университетского руководства, постановлением Временного правительства от 1(14) июля 1917 г. в составе университета были учреждены физико-математический и историко-филологический (с историческим отделением) факультеты [20]. В начале 1918 г. было создано Общество этнографии, истории и археологии, которое стало первым сибирским объединением профессиональных историков. Начав свою работу в тяжелейших условиях Гражданской войны, сам факультет просуществовал не долго. В апреле 1921 г. он был закрыт [21. Л. 294] и вошел в качестве этнолого-лингвистического отделения в состав факультета общественных наук (который сам был упразднен уже в 1922 г.), не успев произвести ни одного выпуска историков.

Схожей была судьба становления и развития исторического образования и науки в Иркутском университете. 13 августа 1918 г. на заседании Иркутской городской думы было официально объявлено об открытии университета, а министром народного просвещения Временного Сибирского правительства проф. В.В. Сапожниковым было подписано Положение об учреждении Иркутского университета [22]. Сразу же начался и набор абитуриентов в новый университет [23. Л. 311]. Он начал свою работу в составе двух факультетов – историко-филологического и юридического. Историко-филологический факультет состоял из исторического отделения и славяно-русского (словесного) отделения, а в 1919 г. к ним добавилось третье – восточное отделение для «для всестороннего изучения языка, быта и экономических отношений Сибири и Дальнего Востока» [23. Л. 23]. Иркутский университет также не успел в досоветский период подготовить историков. В январе 1920 г. на территории Восточной Сибири восстановилась Советская власть и факультет был закрыт. Как и в Томском университете, появился факультет общественных наук.

Дальний Восток для российского правительства на рубеже XIX-XX вв. представлял собой важный стратегический в геополитическом отношении регион. Помимо чисто военно-административных мероприятий, правительству необходимо было расширять в нем сферу своего

присутствия. Для этого понадобилась и подготовка востоковедов, обладавших необходимым объемом знаний в восточных языках, государственно-политическом устройстве, культуре, истории и иных сферах. 24 мая (5 июня) 1899 г. во Владивостоке указом Николая II был учрежден Восточный институт и утверждено положение о нем [24]. При обучении востоковедов, помимо серьезной языковой, правовой, географической и политологической подготовки, важное значение придавалось и истории стран Востока, в первую очередь Китая и Японии. Помимо преподавательской деятельности, сотрудниками института велась серьезная научная работа по изучению истории восточных государств и культур. В 1920 г. Восточный институт в качестве Восточного факультета вошел в состав созданного в том же году Дальневосточного университета.

Отрезанность Сибири в годы Гражданской войны от Европейской России, находившейся под властью большевиков, сказалась на положении гуманитарных исследований в Сибири. На время были прерваны и без того не слишком активные профессиональные контакты с научными и образовательными учреждениями центральной России и стран Западной Европы. Вместе с тем нельзя не отметить и то, что в Сибири (в Омске, Томске, Иркутске), в силу обстоятельств военного времени, оказалась большая группа ученых из вузов и научных центров Европейской России (Казань, Пермь, Петроград, Москва и др.), которые заметно усилили научный потенциал региона. В Томск, например, была эвакуирована часть преподавателей и сотрудников Казанского (1918) и Пермского (1919) университетов. В январе 1919 г. на съезде по организации Института исследования Сибири было создано уникальное для того времени научное учреждение – Институт исследования Сибири, которое современники назвали Сибирской Академией Наук [25]. На самом съезде, проходившем в Томске (15-26 янв. 1919 г.) была организована секция истории, археологии и этнографии Сибири, в составе которой был известный историк, профессор-методолог М.М. Хвостов [26 С. 82-108].

В июле 1919 г. Совет министров Всероссийского правительства принял положение об институте. *Он работал в составе двух отделений – Среднесибирского (в Иркутске) и Дальневосточного (во Владивостоке) – и шести отделов (в том числе историко-этнографического).* Состав сотрудников института формировался в основном из профессоров и преподавателей вузов Томска. Среди членов института были представители научных сил и из других городов (Иркутск, Красноярск, Барнаул, Омск, Владивосток и др.). 7 августа 1919 г. в институте было принято постановление об «использовании для нужд исследования Сибири ученых сил из среды лиц, бежавших из эвакуированных городов Поволжья и Урала» [27. Л. 120].

Сам институт просуществовал недолго, чуть более года, и в июне 1920 г. был закрыт. Однако историко-этнологическому отделу под руководством проф. П.Г. Любомирова, несмотря на кратковременный период существования и скудость финансирования, все же удалось достигнуть некоторых результатов и внести вклад в развитие сибирской исторической науки: организовать несколько экспедиций на территории Западной Сибири, начать работы по составлению карты племенного состава населения Сибири (проф. С.И. Руденко) и по составлению археологической карты Сибири (В.Ф. Смолин).

Закключение. В процессе институционализации на территории Азиатской России науки и высшего образования в целом, и исторического знания, в частности, на досоветском этапе явно прослеживается синтез двух основных тенденций – общественной инициативы и государственно-политической воли. Изначальным посылом, инициатором развития научно-просветительских и образовательных учреждений всегда выступала общественность. При этом государство время от времени поддерживало большую часть этих начинаний, видя в развитии сети учреждений высшего образования и науки стратегический ресурс, с точки зрения геополитических интересов, в процессе изучения и хозяйственного освоения Азиатской территории России. Интерес государства в данном случае проявлялся на разных уровнях – на центральном (правительственном) и региональном (в данном случае субъектами выступали губернаторы и генерал-губернаторы).

К сожалению, заданный в досоветский период на территории Азиатской части России импульс институционализации исторического знания позднее, в первые годы советской власти, был сведен на «нет». В 1920-е гг., с изменением государственно-идеологической политики, историческая наука и образование как таковые претерпели существенные изменения. В эти годы были закрыты исторические факультеты в вузах, т.е. пресеклась традиция классического исторического образования, которое теперь было подменено обществоведческой подготовкой. Историческая наука была в значительной степени извращена методологическими экспериментами и новыми концепциями, а в лучшем случае, была заменена краеведением. Лишь в 1930-е гг. партийное руководство, осознав пагубность такого положения дел в историческом знании, приняло комплекс мер по восстановлению системы исторического образования и науки в вузах и научных учреждениях страны.

Благодарности. Статья выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Примечания:

1. Напр. см.: Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского русского географического общества, 1845–1895 гг. В 3-х частях. СПб, 1896; Преподавание отечественной

истории в университетах России: Прошлое и настоящее. М. – Уфа, 1999; Перковская Г.А. Развитие исторического образования в университетах России во втор. пол. XVIII – нач. XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2005. 258 с. и др.

2. Напр. см.: Скалабан И.А. Зап.-Сиб. отдел Императорского русского географического общества в посл. четв. XIX – нач. XX вв., 1877-1919 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 1994. 283 с.; Пименова И.А. Организация и деятельность Вост.-Сиб. отдела Русского географического общества: 1851-1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2009. 197 с.; Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (сер. 1870-х гг. – 1919 г.): дис. ... докт. ист. наук: 07.00.10. Томск, 2009. 1112 с.; Хаминов Д.В. Историческое образование и наука в Томском университете в кон. XIX – нач. XXI в. Томск, 2011. 270 с.; Китова Л.Ю. Концепции и направления археологических исследований в Сибири кон. XIX – сер. XX в.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. Кемерово, 2011. 352 с.; Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Меркулов С.А., Литвинов А.В. Институт исследования Сибири и изучение истории, археологии и этнографии региона (1919-1920 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 365. С. 77-81; Некрылов С.А. Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск, 2013. 258 с. и др.

3. Штергер М.В. Провинц. историческая мысль посл. тр. XIX – нач. XX вв. (По матер. Тобольска и Омска): дис. ... канд. ист. н.: 07.00.09: Омск, 2003. 289 с.

4. См.: География // Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / В современной орфографии. СПб, 1907-1909.

5. Семенов П.П. История полувековой деятельности Императ. русск. геогр. общества, 1845-1895 гг. Ч. 1. / Предисловие. СПб, 1896. С. XVII-XXX.

6. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. XX. Отд. 1. СПб, 1846. № 19259. Стр. 586-590.

7. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXIV. Отд. 2. СПб, 1850. № 23778. Стр. 347-356.

8. Записки Кавказского отдела ИРГО. Тифлис, 1852. Кн. I. С. 180-184.

9. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXVI. Отд. 1. СПб, 1852. № 25278. Стр. 386-388.

10. ПСЗРИ. Собр. 2. Том LII. Отд. 1. СПб, 1879. № 57311. Стр. 459.

11. ПСЗРИ. Собр. 3. Том XIV. СПб, 1898. № 10564. Стр. 220.

12. Семенов П.П. История полувековой деятельности Императ. русск. геогр. общества, 1845-1895 гг. Ч. 3. Отдел 5. СПб, 1896.

13. Сиб. советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. Ст. 142-143.

14. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. LIII. Отд. 1. СПб, 1880. № 58527. Стр. 352-353.

15. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. VIII. СПб, 1890. № 5231. Стр. 239-241.

16. Известия ИТУ. Томск, 1889. Кн. 1. С. 3.

17. Подр. см.: Дмитриенко Н.М. Томские высшие историко-философские курсы (1906-1909) // Жизнь в истории. Томск, 2006. С. 101-107.

18. См.: Стенографические отчеты Государственной Думы III созыва // Научная библиотека Томского государственного университета.

19. Журнал Министерства народного просвещения. Пг., 1917. № 6.

20. Постановление Временного правительства от 1 июля 1917 г. // Вестн. Временного правительства. Пг., 1917. № 112.

21. Государственный архив Томской обл. (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 43.

22. Дело (Иркутск), 1918. 16 авг.

23. Государственный архив Иркутской обл. (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1.

24. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XIX. Отд. 1. СПб, 1902. № 16940. Стр. 518-523.

25. Народная газета (Томск). 1919. 17 февр.

26. Труды съезда по орг-ции Инст. исследования Сибири. Томск, 1919. Ч.1.

27. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 24.

References:

1. Напр. см.: Semenov P.P. Istorija poluvekovoj dejatel'nosti Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva, 1845-1895 gg. V 3-h chastjah. SPb, 1896; Prepodavanie otechestvennoj istorii v universitetah Rossii: Proshloe i nastojashee. M. – Ufa, 1999; Perkovskaja G.A. Razvitie istoricheskogo obrazovanija v universitetah Rossii vo vtor. pol. XVIII – nach. XX v.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Stavropol', 2005. 258 s. i dr.

2. Напр. см.: Skalaban I.A. Zap.-Sib. otdel Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva v posl. chetv. XIX – nach. XX vv., 1877-1919 gg.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Novosibirsk, 1994. 283 s.; Pimenova I.A. Organizacija i dejatel'nost' Vost.-Sib. otdela Russkogo geograficheskogo obshhestva: 1851-1918 gg.: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Irkutsk, 2009. 197 s.; Nekrylov S.A. Tomskij universitet – pervyj nauchnyj centr v Aziatskoj chasti Rossii (ser. 1870-h gg. – 1919 g.): dis. ... dokt. ist. nauk: 07.00.10. Tomsk, 2009. 1112 s.; Khaminov D.V. Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kon. XIX – nach. XXI v. Tomsk, 2011. 270 s.; Kitova L.Ju. Konceptii i napravlenija arheologicheskikh issledovanij v Sibiri kon. XIX – ser. XX v.: dis. ... dokt. ist. nauk: 07.00.06. Kemerovo, 2011. 352 s.; Nekrylov S.A., Fominykh S.F., Merkulov S.A., Litvinov A.V. Institut issledovanija Sibiri i izuchenie istorii, arheologii i etnografii regiona

- (1919-1920 гг.) // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2012. № 365. S. 77-81; Nekrylov S.A. Nauchnye obshhestva v Tomskom universitete v dorevoljucionnyj period. Tomsk, 2013. 258 s. i dr.
3. Shterger M.V. Provinc. istoricheskaja mysl' posl. tr. XIX – nach. XX vv. (Po mater. Tobol'ska i Omska): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.09: Omsk, 2003. 289 c.
  4. Sm.: Geografija // Malyj enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona / V sovremennoj orfografii. SPb, 1907-1909.
  5. Semenov P.P. Istorija poluvekovej dejatel'nosti Imperat. russk. geogr. obshestva, 1845-1895 gg. Chast' 1. / Predislovie. SPb, 1896. S. XVII-XXX.
  6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii (PSZRI). Sobr. 2. T. XX. Otd. 1. SPb, 1846. № 19259. Str. 586-590.
  7. PSZRI. Sobr. 2. T. XXIV. Otd. 2. SPb, 1850. № 23778. Str. 347-356.
  8. Zapiski Kavkazskogo otdela IRGO. Tiflis, 1852. Kn. I. S. 180-184.
  9. PSZRI. Sobr. 2. T. XXVI. Otd. 1. SPb, 1852. № 25278. Str. 386-388.
  10. PSZRI. Sobr. 2. Tom LII. Otd. 1. SPb, 1879. № 57311. Str. 459.
  11. PSZRI. Sobr. 3. Tom XIV. SPb, 1898. № 10564. Str. 220.
  12. Semenov P.P. Istorija poluvekovej dejatel'nosti Imperat. russk. geogr. obshestva, 1845-1895 gg. Chast' 3. Otdel 5. SPb, 1896.
  13. Sib. sovetskaja enciklopedija. Novosibirsk, 1929. T. 1. St. 142-143.
  14. PSZRI. Sobr. 2. T. LIII. Otd. 1. SPb, 1880. № 58527. Str. 352-353.
  15. PSZRI. Sobr. 3. T. VIII. SPb, 1890. № 5231. Str. 239-241.
  16. Izvestija ITU. Tomsk, 1889. Kn. 1. S. 3.
  17. Podr. sm.: Dmitrienko N.M. Tomskie vysshie istoriko-filosofskie kursy (1906-1909) // Zhizn' v istorii. Tomsk, 2006. S. 101-107.
  18. Sm.: Stenograficheskie otchety Gosudarstvennoj Dumy III sozyva // Nauchnaja biblioteka Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.
  19. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. Pg., 1917. № 6.
  20. Postanovlenie Vremennogo pravitel'stva ot 1 ijulja 1917 g. // Vestn. Vremennogo pravitel'stva. Pg., 1917. № 112.
  21. Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj obl. (GATO). F. R-815. Op. 1. D. 43.
  22. Delo (Irkutsk), 1918. 16 avg.
  23. Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj obl. (GAIO). F. R-71. Op. 1. D. 1.
  24. PSZRI. Sobr. 3. T. XIX. Otd. 1. SPb, 1902. № 16940. Str. 518-523.
  25. Narodnaja gazeta (Tomsk). 1919. 17 fevr.
  26. Trudy sezda po organizacii Instituta issledovania Sibiri. Tomsk, 1919. Ch. 1.
  27. GATO. F. R-26. Op. 1. D. 24.

УДК 94:378(571)"18/19"

Институционализация исторического знания на территории Азиатской России в досоветский период

¹ Дмитрий Викторович Хаминов

² Сергей Александрович Некрылов

³ Сергей Федорович Фоминых

¹⁻³ Национальный исследовательский Томский госуниверситет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36

¹ Кандидат исторических наук, докторант ТГУ

E-mail: khaminov@mail.ru

² Доктор исторических наук, профессор

E-mail: san_hist@sibmail.com

³ Доктор исторических наук, профессор

E-mail: fsf@mail2000.ru

Аннотация. В представленной работе впервые в отечественной историографии был рассмотрен процесс развития научно-образовательных комплексов в контексте институционализации исторического знания в Азиатской России на досоветском периоде. В статье была предпринята попытка дать комплексную оценку и выявить соотношения в процессах институционализации исторического знания между государственной и общественной инициативой в рамках развития исторического образования и науки, определить их роль и место в этой сфере.

Ключевые слова: исторические исследования; историческое образование; краеведение; научное общество; университет; институт; Сибирь; Дальний Восток; Средняя Азия.